

ОРТОЛОГИЯ

Ж. В. Ганиев

(ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»)

РУССКАЯ «ОРТОЭПИЯ» И ПРАКТИКА В КОНЦЕ XVIII – I-й ПОЛОВИНЕ XIX вв. КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В РУССКОМ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОМ СТАНДАРТЕ

Предварительные замечания

Указанный период определил как перелом в общепринятом произношении С.И. Ожегов [15]. За сто с небольшим лет Россия прошла дистанцию в изменении основы литературного языка, которую Западная Европа уже осваивала в течение почти пяти столетий, — переход книжной речи с иноязычной основы (латынь) на национальные языки (на государственной основе). Указы Петра Великого о культурной секуляризации (отделение сакральной духовной жизни от светской, в частности для развития наук и их языка) — результат культурных накоплений, вместе с тем исторически неизбежные изменения в русской литературной речи длились после этого около века. К примеру, при Петре I не существовало заметной художественной литературы не на книжном (церковнославянском) языке, а подобные шаги в Западной Европе — создание литературного языка на национальной основе взамен латыни — известны с XIV века и ранее. Это императору было ведомо — недаром он предлагал в качестве русской основы литературного языка стиль приказных документов, дальше всех отстоявший от церковнославянского. Именно русская национальная беллетристика изменила в корне представления о литературном языке во всех его компонентах.

Конец XVIII и начало XIX вв. ознаменовались не только возвышением в обществе авторитета «Российской грамматики» М.В. Ломоносова, но и увеличением объема художественной литературы, изменением ее жанров и языка. В «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. в качестве иллюстраций (примеров) из писательской литературы находим лишь ссылки на М.В. Ломоносова (кроме этого — и это к нашей теме прямо не относятся — имеются примеры из Священного Писания, из летописей, народные речения (пословицы), находим также положения из Генерального регламента (российский законодательный акт, устав государственной граждан-

ской службы в XVIII – начале XIX вв., издан Петром I в 1720 г.). Конечно, к концу XVIII в. имелась русская национальная беллетристика, но составители «Словаря Академии Российской» кн. Е.Р. Дашкова, кн. Потемкин-Таврический, граф И.И. Шувалов, М.М. Херасков, Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, А.А. Барсов, Я.Б. Княжнин, И.М. Богданович, И.И. Хемницер, В.В. Капнист и др. не сочли ее основой для литературного языка. Словарь был обширным — свыше 43 тысяч слов. Близостью к живому языку он выигрывает перед своим «клоном» — «Словарем Академии Российской, по азбучному порядку расположенным» (1806–1822) [22]. А.П. Сумароков ссылаясь на филологический опыт Запада: там примеры в академических изданиях приводились, как позже в России в XIX–XX вв., из произведений отечественных писателей. А в 40–50-е гг. XVIII в., когда Ломоносов писал и издавал «Российскую грамматику», он не считал возможным в качестве иллюстраций брать фрагменты из тогдашней необширной русской литературы враждовавших между собой авторов ([8]; 98).

Основная часть

Теория стилей произношения была сформулирована (в исторически неизбежном полемическом духе) одновременно с возникновением русской фонетической науки как следствие исторической памяти на протяжении 7 веков. Диглоссия осознавалась книжными людьми на Руси с начала православия. Научно-учебное конвенциональное противопоставление церковнославянских звуков (в книжном произношении) русским звукам обиходной речи (при близости лексико-грамматических значений) длилось около 100 лет, начиная с конца 20-х гг. (от трудов В.Е. Адодунова до сочинений А.С. Шишкова и раннего А.Х. Востокова 1808 г.; см. [9]; 9–15; [26]). Однако только полвека спустя учение об образцовом произношении («правильное произношение») было названо *ортоэзией* ([18]; 39), хотя Адодунов и Тредиаковский — зачинатели научной фонетики — отличали звуки от букв.

Произносительные церковнославянизмы закрепились в русской книжной речи в разное время: изначально различались заударные адъективные (местоименные) окончания (и твердые / мягкие концы основ) *-кий, -гий, -хий* и *-кой, -гой, -хой*, пары [ч'н – шн], [ч'т – шт] и т.д.; оканье как черта книжного языка определилось с развитием аканья в «нежной» речи (с XIV в.), а [γ] было насаждено с середины XVII в. юго-западным клиром в период церковной «справы».

Различаются два типа понимания предмета у каждого специалиста по «ортоэзии»: выражение авторского мировоззрения в условиях

диглоссии и степень склонности автора к исконно русскому произношению. Так, при общем убеждении о необходимости книжного произношения церковнославянского происхождения у Адодурова и Тредиаковского, например, есть отдельные факты, показывающие в их предпочтениях исконно русские черты: рассуждение о букве «га», признание Тредиаковским аканья в безударном вокализме и т.д. Намного дальше пошел Ломоносов: кроме указанных черт, он предлагает обильный материал о произношении ударного *ѣ* («выговаривают» *ѣ*, «говори» *ѣ*, «выговаривай» *ѣ* — так звучат указания для «книжных» людей относительно форм глаголов и имен ([13]; 425; [14]; 597, 599, 600, 608). Шаг вперед сделали Н.Г. Курганов и В.П. Светов, признавая в своих пособиях: в общем произношении *е* и *Ѣ* ничем не различаются, поэтому одна из букв (*Ѣ*) лишняя в алфавите ([12]; 101, 102; [20]; 4, 16–17). А.А. Барсов вслед за Ломоносовым в местоименных заударных окончаниях слышал *-ои*, *-ей* (им. п. муж. р.), признавал произношение [ы] после предлогов и приставок на месте <и> (типа *в избе*), уподобление и диссимиляцию в случаях *боишься, хто, х граматам, эжжал, ши ч'езли, ши шерсти, х кому, х какому, х королю* ([18]; 60–61).

По логике современного научного исследования в работах первых фонетистов в условиях диглоссии мы находим драгоценные для нас ссылки на исконно русское произношение, а к концу XVIII – началу XIX вв., в особенности начиная с 1831 г., в пособиях пробиваются узаконенные особенности того, что называется: «говорят так, как и пишут». То, что искусственно задерживалось в орфоэпии из традиционного церковнославянского (см., напр., [17]; 12) и противопоставлялось исконно русскому, с усилением влияния на речь беллетристики, с приходом нового произносительного стандарта «перелилось» в другую оппозицию, сохранявшуюся в филологии традиционно — произношение в общепринятом («практическом») языке и в языке поэзии (см. [11]; 156–161). Ничего не сделав, у нас отдельных правил в этих оппозициях не закрепили, но есть все же свидетельства об оканье в чтецком произношении, о правилах побуквенного совпадения заударных концов строк в стихотворных рифмах [25]. Другими словами, многие из нас ошибаются не только при чтении стихов Ломоносова, но подчас и Пушкина (подробнее см. [15]; 301–308; [24]; [25]). Это было традицией, а никак не частью орфоэпии «практического» языка, поэтому формулировать по стихотворной речи правила общепринятой орфоэпии — это забвение оставленной нам в наследство части культуры.

Москва, политический и исторический центр, формировала свое традиционное произношение, Санкт-Петербург возвращался к побуквен-

ному произношению, к примеру *чит* вместо *шт*, *чи* вместо *ин* (*что, что-бы, конечно, скучно*). Более того, наряду с московским произношением, «царствовавшим» в середине XIX в. на сцене Малого театра и в речи потомственной профессуры Императорского Московского университета как особого очага культуры, в ряде учебных заведений Москвы (например, ученикам профессора Московского университета и гимназии академика Ф.И. Буслаева) рекомендовалось произношение побуквенное, сходное с Санкт-Петербургским (см. [7]: 82]). Так что до академика Ф.Е. Корша и его учеников — кодификаторов московского произношения существовало и другое, расцениваемое как исконное московское (например, в просвещенческих кругах), но признаваемое как просторечное и неверное (чуть ли не приравнивали его к «куды», «туда» и др.).

В период кодификации русской орфоэпии (см. труды В.Е. Алодурова, В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Н.Г. Курганова, В.П. Светова, А.А. Барсова, анонимные «Правила о произношении» 1772 г. [17], П.И. Соколова, Аполлоса (А.Д. Байбакова), «Академическую грамматику» 1802 (09) гг., раннего А.Х. Востокова (1808 г.), И.И. Греча, И. Орнатовского, М. Радугина, А. Померанцева, А.С. Шишкова и др.) рекомендации и примеры были традиционными, во многом повторяющимися, логически непротиворечивыми в каждом отдельном пособии, — но какая же была нестрога в самом реальном произношении, не согласованном с предписаниями (что отражалось и в орфографии)! Здесь намечаются три пути рассмотрения темы: 1) как менялись эти «орфоэпические» правила (замечания об этом см. выше) — т.е. стали ли они «демократичнее» передавать действительное звучание или все еще трактовали свои убеждения, основываясь на диглоссии; 2) как реальная норма произношения, формируясь, отражалась на письме — хотя бы в академических изданиях; 3) какой общественный резонанс сопровождал борьбу вокруг произносительной нормы.

Начнем с последнего пункта. Ярким примером возврата на полвека назад были полемические выступления известного филолога, президента Российской Академии, министра народного просвещения А.С. Шишкова. «Новаторы»-карамзинисты писали о нем в начале XIX в.: «Кажется, что он полагает необходимым особливый язык книжный, которому надо было учиться как чужестранному, и различает его только от низкого, простонародного. Но есть язык средний, тот, который стараются образовать нынешние писатели равно для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут; одним словом, чтобы уничтожить язык книжный». Неумолимый Шишков отзывался об оппонентах так: они «мало читают...

и думают, что для знания языка довольно одного изустного употребления одного... Отсель сии вопияния и крики: *мы не знаем книжного языка, мы хотим писать как говорим...* Книжный язык есть тот, которым пишутся книги, а не тот, которым люди между собой разговаривают (заметим в скобках: слава Богу, признал академик за разговорным статус языка, а в начале XVIII в. обиходные средства общения, т.е. бытовую речь, радители славенщины не считали языком. — Ж.Г.)... Слог или язык, которым объясняемся мы в книгах, часто не приличен бывает разговорам, а язык, каким объясняемся мы в разговорах, часто не приличен бывает книгам, особливо же требующим важного и высокого слога» ([9]; 10).

Ломоносов, который у Шишкова пользовался наибольшим авторитетом, также внес свою лепту в общее дело: он подводил к порогу кодификации подударное *ѣ* — произношение (типа *лѣд, бѣт...*), переход инициального *и* в [ы] после предлогов (и внутри фонетического слова) и приставок (*отыскать, в избе, ходит и к нам...*). Шишков же ничего не писал, например, об [ы] или о различии в произношении *е – Ъ*, но упорно «выскабливал ножичком» в книгах две карамзинские точки над *ѣ*: «Жаль, что она и в разговорном языке отчасу больше укореняется, а если столько же и в письменный или ученый язык войдет, то она всю чистоту и важность одного поколеблет» ([9]; 12).

Другой вопрос: насколько звучание (и возможное его отражение на письме) соответствовало норме, орфоэпическим правилам в указанный период? В отличие от теоретических пособий, например, в «Словаре Академии Российской», «нет прямо и открыто провозглашаемой нормы» ([5]; 164). Первый русский академический словарь был интересен тем, что во многих деталях (например, в объяснительных частях и в примерах) был близок к живой («снежной») речи того времени. «Словарь Академии Российской... явился в эпоху, особенно ярко характеризующуюся поисками языковой нормы и общим стремлением к регламентации языкового употребления» ([5]; 163).

Распределим словарный материал соответственно количеству отклонений от указаний орфоэпистов. Больше всего случаев приходится на адъективные (местоименные) окончания — церковнославянские *-ий, -ий* и исконно русские (московские) заударные *-ой, -ей* в муж. р. ед. ч. В названии словарной статьи, в словах из Священного Писания мы видим формы на *-ий, -ий*, а в толковании слов, в примерах (не из Священного Писания) чаще встречаем формы на *-ой, -ей*. Именно эта вариативность и поиски нормы сократили источники, откуда брались иллюстративные примеры (к ним в 1806–1822 гг. редакция добавила примеры из произведений Су-

марокова [22]). Так, примеры 1789 г. *багряный, червленый* из Священного Писания, *барбарисный, баронский, крутоберегий* и др. — названия статей («жирные слова»). Сюда же по характеру добавляется употребление причастий (в том числе в толковании или примерах) — *имеющий, принадлежащий* ([21]; 100, 104, 122, 143). Другие слова в толкованиях и в примерах: *железной крюк, бархатной кафтан, башмак женской, коженой, хорошей, лучшей* ([21]; 75, 105, 112) — муж. р. ед. ч.; причем правила из тогдашних учебников о стилистическом разграничении вариантов в Словаре не выдерживаются. Отсутствием твердой нормы или произношением [е] под ударением можно объяснить написания *береза, березка, порода берез, побасенка, припасенки* ([21]; 115, 129). Одновременно есть случаи употребления «демократичной» буквы *іо* ударной: *припасіонка, беріожазя* ([21]; 115, 124). В формах слов сохраняется ударное [е]: *не бьет, Береженова и Бог бережет, лен, все без остатка, в зачет* ([21]; 11, 124, 138, 139). Согласно правилам, в книжной речи должно произноситься [ѣ], в обиходной речи [ѓ] после мягкого согласного.

Представлено в Словаре и московское диссимилятивное сочетание [шн] в бытовых словах: *висошной (кости), попереишным, башмашный* (и в родственных словах) и др. ([21]; 96, 112, 113), московские причастные формы *значущий, значущаго* и т.д. (суфф. I спр. вместо суфф. II спр.) ([21]; 22, 135).

В Словаре 1806–1822 гг. [22] большая часть материала совпадает с первоизданием 1789–1794 гг., но в условиях, когда норма с трудом пробивала себе путь, привлекают внимание исправления. Так, в издании 1789 г. о чтении Акафиста сказано: *не сѣдя* ([21]; 15), а в издании 1806 г. это требование сформулировано: *не сидя* ([22]; 16); в первоиздании без стилистических помет приведены *амбар* и *анбар*, а в Словаре 1806 г. попал только *амбар* ([21]; 27; [22]; 32). Видны многочисленные случаи поисков нормы в обоих изданиях: *истужавшегося, лезвее, распуцаются, сделанная* ([21]; 13, 19, 27, 140). Конечно, ко времени публикации Словара 1847 г. норма укрепились, к его созданию причастен опытный А.Х. Востоков; художественная литература достигла поры своего расцвета, стала понятнее на практике стилистическая дифференциация вариантов [23].

Теперь о последней проблеме: менялись ли «ортоэпические» правила в сторону отражения реального звучания или все еще действовали исходя из традиционной диглоссии? Ответ на этот вопрос в большей степени отвечал бы требованиям Петра о секуляризации культур, чем отмеченные выше две проблемы (норма и общественный резонанс): ведь за его решение «отвечали» профессиональные филологи, специа-

листы по русскому нормативному произношению. Вплоть до Шишкова и раннего Востокова (1808 г.) теоретики исходили из наличия двух типов произношения (диглоссия). Предпочтения на базе произносительных традиций отдельных их черт и составляло концепцию филолога, естественно, вызывавшую споры современников. Только в 1831 г. А.Х. Востоков своей трактовкой стилей (в том числе произношения) вполне стал соответствовать открытиям (вернее, предмету споров) «новаторов». Сведения о параллелизме типа *италианский – итальянский*, о звуке, передаваемом буквой *Ђ*, о *ё*-произношении, об энклитиках типа *за городом, два года*, а также и в целом обе грамматики Востокова 1831 г. вызвали восторг Белинского — автора и нескольких языковедческих сочинений (например, [1]). О полной версии «Русской грамматики» Востокова Белинский написал: «Что касается до грамматики г. Востокова, она, без всякого сомнения, есть доселе лучшая из всех русских грамматик. ... Она уже и потому заслуживает большого внимания, что представляет собою материал для будущего грамматиста и заключает в себе много частных замечок и наблюдений, которые мог сделать только человек, долго и основательно изучавший русский язык» ([2]; 256).

Сам Белинский подразделял учение о русском языке на 4 части: «Итак, грамматика разделяется на четыре части: I. Этимологию (или словопроизведение)... II. Синтаксис (словосочинение)... III. Орфографию (правописание) — письмо. IV. Просодию (словопроизношение) — произношение слов в разговоре и чтении» ([1]; 582). Известно, что «Основания» Белинского остались незавершенными, но проблема в пункте IV была поставлена. Значит, для победителей-новаторов существовал чтецкий канон, о котором остались косвенные свидетельства, в том числе о произношении в обыкновенной речи (кстати, интересные и оригинальные данные об этом содержатся в работе ([6]; 261–272). Некоторые из прежних оппозиций явятся в XIX в. стимулом для возникновения различий между московским и «чтецким» (побуквенным) произношением (см. [7]).

Последним знаком потери интереса публики к произносительной концепции архаистов были «Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского. Первое рассуждение. О буквах и слогах» (1841) [27]. В других известных пособиях того времени С.П. Барана, М.Н. Каткова, О.Н. Бетлинга и других о произносительной стилистике нет ничего. Судя по «Исторической грамматике русского языка» Ф.И. Буслаева (1858), пути возврата к концепции архаистов были отрезаны [3].

Практически с начала XIX в. московское диалектное звучание более чем на столетие стало русской литературной нормой. Конечно, в за-

висимости от субстрата диалект имел явную стратификацию, где могли быть факты за пределами литературной речи, на что обратил внимание, например, С.С. Высотский ([10]; 43–46). Однако вспомним, с какой гордостью говорили о своем московском происхождении и соответственно, о московской речи Пушкин и Дельвиг. Хрестоматийным фактом стало чувство восхищения у Пушкина, которое он испытал, вслушиваясь в речь московских просвирен.

Выводы

Со второй половины XVIII в. по середину XIX в. произошли громадные изменения в орфоэпии: от побуквенного чтения просвещенное общество перешло в книжной речи к стандартам, близким к обиходному общению. Указания орфоэпистов, как и правила русской консонантной и заударной вокальной рифмы, которые довольно упорно держатся с XVIII в., не могут быть единственной опорой при объективной оценке орфоэпии того времени. Ясно одно: орфоэпия с момента зарождения (Адодуров, Тредиаковский и др.) стала ареной ожесточенных споров, каких мы не видели ни в лексикологии, ни в грамматике.

Литература

1. Белинский В. Г. Основания русской грамматики // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. II. – М., 1953.
2. Белинский В. Г. [Рец.] Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной полнее изложенная // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. III. – М., 1955.
3. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка = [1858] = Историческая грамматика русского языка. – М., 1863.
4. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – 3-е изд. – М., 1982.
5. Винокур Г. О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века (Словарь Академии Российской, 1789–1794) // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
6. Волоцкая З. М. Некоторые явления безударного вокализма московского говора XVIII – начала XIX веков (на материале памятников лубочной литературы) // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. – М., 1961.
7. Ганиев Ж. В. Вариативность в старомосковском произношении // Русский язык в школе. – 2007. – № 3. – С. 79–85.

8. Ганиев Ж. В. М.В. Ломоносов: Русское произношение должно рассматриваться двоякое — простое и ораторское // Вариативность в литературном произношении. Борьба вокруг нормы. — М., 2006.

9. Ганиев Ж. В. Попытка возврата к фоностилистическим оценкам середины XVIII в.: позиция А.С. Шишкова в «науке языкоисследования» // *Žmogus ir žodis [Man and the Word.]*. — Vol. 7. — № 3. — Vilnius, 2005.

10. Ганиев Ж. В. С.С. Высотский и границы старомосковского произношения // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений V Международной научной конференции (Отдел фонетики ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН). — М., 2007.

11. Ганиев Ж. В. Тематика Института живого слова в творчестве проф. Л.П. Якубинского // Межвузовская научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. — М., 2007. — С. 156–161.

12. [Курганов Н.Г.] Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку, с семью присовокуплениями разных учебных и полезных вещей. — СПб., 1769. Со 2-го изд. — «Писмовник». Цитируется издание: Писмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезного вещесловия. — 7 изд., вновь выправл., приумноженное и разделенное на 2 части профессором и кавалером Н. Кургановым. Ч. 1. — СПб., 1802.

13. Ломоносов М. В. Российская грамматика // М.В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. — М.; Л., 1952.

14. Ломоносов М. В. [Материалы к «Российской грамматике»] // М.В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. — М.; Л., 1952.

15. Ожегов С. И. Материалы для истории русского литературного произношения XVIII — начала XIX в. // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М., 1974. — С. 301–328.

16. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. — М., 1990.

17. Правила о произношении российских букв и об исправном тех же в новейшем гражданском письме употреблении, или о правописании, собранные из российских грамматик. — М., 1772.

18. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подготовка текста и текстологический комментарий М.П. Тобольской; под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. — М., 1981.

19. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная [1831]. – 9-ое изд., испр. – СПб., 1856.

20. [Светов В. П.] Таблицы о познании букв, о складах, о чтении и о правописании // [Фельбигер И.И.]. Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской Империи, изданное по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья. – СПб., 1783.

21. Словарь Академии Российской. – СПб., 1789–1794. – Т. I–II. Переизд. / Гл. ред. Г.А. Богатова. – М., 2001.

22. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – Ч. 1–6. – СПб., 1806–1822.

23. Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. II отделением имп. АН. – СПб., 1847.

24. Тарковский Р. Б. Русская поэзия и московские орфоэпы. – СПб., 2006.

25. Томашевский Б. В. Стих и язык // Томашевский Б.В. Стих и язык. Филологические очерки. – М.; Л., 1959.

26. Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. – М., 1975.

27. Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского. Первое рассуждение. О буквах и слогах. – 2-е изд. – СПб., 1850.

Russian orthoepy and talking practice

through the end of the XVIIIth – the first half of XIXth century.

A fundamental “crash” of the standard of Russian pronunciation

V.V. Vinogradov, S.J. Ozhegov, M.V. Panov determined this period as a great change in Russian standard pronunciation. The educated people turned during hundred years from a nearly letter aloud reading to Moscow pronunciation, almost everyday speech. Rules of orthoepy textbooks as and maxims of Russian rhyme in verses that keep the order persistent from XVIIIth century can not be sole sources for objective estimations of orthoepy that times. It's clear: Russian orthoepy from your bearing up today because by historical reasons became in an arena of fierce debates which not know neither lexicology nor grammar.

Ключевые слова: русская орфоэпия, диглоссия, обиходная речь, московское, Санкт-Петербургское произношение.